

Олег Юрьевич Карнеев

Малевича или Кандинского. Так и задачей моего доклада было продемонстрировать, насколько разнородные объекты можно использовать в построении русской идеи, а также насколько сложную и многогранную карту мы можем получить, занимаясь этими вопросами. Спасибо.

Доклад 35. Русская идея: модерн 2.0

Анастасия Владимировна Митрофанова

Доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИИСЦ РАН.

Хотелось бы начать с того, что в последнее время в России и за ее пределами массово обсуждается тема традиционных ценностей. Само по себе такое активное обсуждение доказывает, что традиционные ценности – это что-то такое, что мы не можем увидеть вокруг себя. Потому что иначе люди просто жили бы в соответствии с этими ценностями, а не требовали их реставрировать, в том числе с помощью законодательных институтов. Сейчас даже нет единого мнения в обществе о том, что именно относится к традиционным ценностям, тем более нет единого мнения относительно их содержания. Поэтому мне хотелось бы еще раз вернуться к таким понятиям, как традиция и модерн.

В доиндустриальный период все человечество обитает в мире традиции. Традиция не является синонимом застоя и полного отсутствия прогресса, в мире традиции происходит технологическое развитие. Оно происходит благодаря механизмам непосредственной передачи опыта от поколения к поколению. Происходит накопление технологического опыта ремесленниками, и благодаря этому в мире традиции возможны великие технологические достижения, но они не сопровождаются массовым производством. Следует отметить, что мир традиции – это мир ограниченных ресурсов, поэтому человек традиции никогда не бывает один, он не выживет один. Человек в это время является не индивидом, а социальным институтом. Человек – это семья, религиозная община, ремесленный цех и т. д. И, поскольку речь идет о выживании в традиционном обществе, эти социальные институты человек воспринимает абсолютно серьезно, даже сверхсерьезно. Семья, род, религия – всё это очень-очень серьезно. Если мы говорим о религиозной вере, то не хотелось бы, конечно, говорить, что традиционный человек верит как-то лучше или больше, чем человек модерна. Но, в отличие от человека мо-

дерна, традиционный человек по-настоящему, жизненно нуждается в общении единоверцев, потому что без религиозного единства он не выживает.

Модерн ассоциируется прежде всего с индустриальной революцией, это наше такое общее понимание модерна. Но также очевидно и то, что сами по себе машины, индустриальное производство не порождают модерн, модерн – это не машины, а люди. Соответственно, основное изменение эпохи модерна происходит не с технологиями, а с социальным субъектом. Можно обозначить модерн как эпоху массового производства человека как социального субъекта. Человек эпохи традиции, как и каждый предмет того времени, это явление штучное. Человек, прежде всего представитель высших классов, в эпоху традиции производится через систему высоко индивидуализированного воспитания и обучения. Что касается низших классов, в частности крестьян, где-то до конца XVIII века, я говорю о Европе, они вообще людьми не считались, считались чем-то вроде животных, и специально их воспитанием и обучения никто не занимался.

Мы привыкли ругать модерн за то, что он заменил вот эти красивые, уникальные изделия ремесленников заводской штамповкой. Но, вообще говоря, он более гуманен, чем традиция, которая для нас эстетически привлекательна, потому что модерн действительно заинтересован в формировании человеческой субъектности, настолько заинтересован, что ставит ее производство на поток. И в этом парадокс отношений модерна и традиции. Можно сказать, что главное достижение модерна, за которое ему можно много простить, это создание системы массового образования. То есть, иначе говоря, индустриального производства субъектов. Сложно ответить на вопрос, почему именно европейская цивилизация единственная из всех сошла с пути традиции, почему это произошло именно между XIV и XVII веками. Мы примерно знаем когда, но не очень понимаем почему. Я слышала мнение, что толчок к индустриализации, к появлению модерна в европейском обществе был дан завоеванием Нового Света и созданием системы трансатлантической работорговли. Тем самым европейская цивилизация смогла аккумулировать огромные ресурсы, и на этой основе родилась промышленность. То есть, грубо говоря, хлопок стало так много, что индивидуальные ткачи – ремесленники уже не могли его обрабатывать, таким образом родилась мануфактура, а затем фабрика. Дальше уже дело, как говорится, техники, в том числе ткацкого станка, который был изобретен именно потому, что на ручном станке уже нельзя было обработать такое количество хлопка, которое поступало из Нового Света. Но здесь тоже не до конца

ясно, какие социальные процессы привели к тому, что европейцы вообще двинулись открывать Новый Свет, потому что эти открытия сами могли существовать только на определенной технологической базе. Вообще говоря, до этого плавание, конечно, было известно всем цивилизациям, но каботажное, океаны никто не пересекал. И второй момент – появление такого типа личности, который уже напоминает современные и уже совсем не напоминает человека традиции. Но, в общем, по какой-то причине для европейской цивилизации люди вдруг стали ценностью, они вдруг стали интересны.

Есть такая версия, что в основе этой трансформации лежит климатический кризис XIV века, который привел к невозможности сельскохозяйственных работ, массовому вымиранию населения, и простой человек стал ценностью, вышел из состояния животного, и его начали считать человеком. За сто лет до графа Толстого, в конце XVIII века, король Франции уже пахал, а королева доила коров. То есть это уже абсолютно иное понимание отношения к низам общества, к крестьянству, которое уже воспринимается высшими классами не как животные, а как образец для подражания. Но поскольку штучная воспитательная работа эпохи традиции в таких масштабах была уже невозможна, в эпоху модерна появляется массовое производство человеческой субъектности. То есть модерн – это промышленное производство, это возникновение материального изобилия, во всяком случае, по сравнению с обществом традиции, и отсюда рост населения. Естественно, на материальной этой базе оно активно растет. У человека появляется возможность жить вне общины, порвать с общиной, зарабатывать на жизнь на фабрике и купить себе еду на рынке. Теоретически субъекту модерна общины никакие уже не нужны, ему не нужна семья, ему не нужна религия. Но есть инерция социальных институтов, и какое-то время они сохраняются, в них еще есть эмоциональная потребность. Собственно, экономически в первый период модерна они еще нужны, потому что еще не все охвачено промышленным производством. Вот это попадает в сферу ответственности традиционных институтов, но модерн развивается.

Хотелось бы еще раз похвалить модерн. Модерн с его индустриальным развитием дает человеку беспрецедентные возможности для самореализации. Именно в апогее общества модерна человек летит в космос, побеждает болезни. Последнее, правда, сейчас звучит не очень актуально, но тем не менее очень многие болезни, от которых массово гибли люди еще до 1950-х годов, сейчас уже практически забыты. Этими благами модерна, конечно, в первую очередь пользуется европейцы,

но к ним начинают подтягиваться и другие народы. Медицина модерна, технологии обработки земли, так называемая зеленая революция, промышленное производство пищи, которое покончило с голодом – всё это распространяется и за пределы западного мира, постепенно изживает традиционные структуры и превращает весь мир в модерн. Это можно назвать светлой стороной модерна.

Но теперь поговорим о его темной стороне, она, естественно, непосредственно вытекает из светлой. В результате индустриального развития государства модерна получают в свои руки огромные ресурсы, которые начинают тратить на своих граждан, рождается государство благосостояния, появляются пенсии, пособия по безработице, бесплатное школьное обучение и здравоохранение, сначала люди просто наслаждаются этими благами. Но где-то в 1960-е годы, то есть достаточно быстро по историческим меркам, вырисовывается очень неприятная истина: государство благосостояния, социальное государство лишает семью, религиозную общину и другие традиционные институты их последних социально-экономических функций. Что касается эмоциональных потребностей человека, для их удовлетворения создается индустрия развлечений и даже индустрия благотворительности. Вообще, в эпоху модерна нет потребностей, которые нельзя удовлетворить на промышленной основе. Модерн как бы заливают мир традиции электрическим светом, это веберовское «расколдовывание мира», и в период своего расцвета он старается искоренить малейшие элементы традиции, он охотится за ними, искореняет их как предрассудки.

С другой стороны, как и традиция, модерн предлагает так называемые большие нарративы, с помощью которых объясняет буквально весь мир, но с нарративами эпохи традиции, например с религией, он проводит довольно неприятную процедуру – «очищение» как доктрины, так и практики. Первое – от иррациональных составляющих, то есть иррациональных с позиции модерна, и, второе, от элементов народной традиции, которые обозначаются как языческие пережитки, и за это у нас нет оснований благодарить модерн. Модерн лишает человека социальной поддержки в лице семьи или общины, но оставляет субъекта один на один с государством и его аппаратами контроля. Это крайне тяжелая ситуация, и субъект модерна выбирается из нее разными способами, например путем имитации уже исчезнувших традиционных структур, так рождается постмодерн, царство игры и имитации. Постмодерн имитирует семью, этнос, имитирует религию, имитирует даже ремесленные гильдии и другие подобные институты. Если для человека традиции принадлежность к религиозной общине – это очень

серьезно, для постмодерна религия – это игра или имитация, например это повод носить какую-нибудь особую одежду. Семья – это тоже игра, и, как только она надоедает, участники бросают друг друга и разбегаются. Вообще люди постмодерна постоянно скачут, постоянно в поиске, они меняют семьи, религии, профессии, культуры, модерн предполагал очень четкое разделение центра и периферии, в том числе внутри личности, вот фрейдизм – это, конечно, учение эпохи модерна. В постмодерне центра нет, и функционал смещается на периферию, отсюда то, что мы наблюдаем в современном мире, новая значимость таких вещей, как физиология, еда, тело, выделительные системы и т. д.

Конечно, в мире еще сохраняются и носители настоящей традиции, не прерванной модерном, но они географически, социально прячутся и постепенно принимают вид таких этно-заповедников или социальных заповедников. Для людей модерна традиция обладает очень большой привлекательностью, потому что обещает решение их внутренних психологических проблем, это, пожалуй, единственное, что нельзя сделать индустриальными методами модерна. И в этих попытках имитации они могут зайти очень далеко. Увлечшись имитацией традиции, субъект модерна отбрасывает рационализм и окунается в карнавал насилия, который принимает за реставрацию традиции, но о традиции, собственно, он не имеет никаких представлений. И тут появляются такие объединения, как запрещенные в Российской Федерации ИГИЛ, батальон «Азов» и т. д., таким образом, субъект модерна прекращает свое существование сам. Но в недрах модерна сохраняется еще кое-что, что можно тоже рассматривать как рудименты традиции. Стремясь уклониться от государственных институтов контроля, а они присущи модерну, как и промышленное производство, люди создают сетевые структуры в обход государства, и через эти структуры начинается неподконтрольная циркуляция активов и социальных благ. Это могут быть преступные организации, но в большинстве случаев это просто явления, известные нам как кумовство или просто блат. В то время как один человек в том же самом обществе ощущает свое ничтожество перед громадами государства и корпораций, другой встраивается в сетевые структуры и с их помощью получает от общества значительно больше, чем без них. Являются ли эти сети аналогом традиционных общин? Хотя они могут строиться на традиционных основаниях: этнос, религия, кровное родство – не являются. Поскольку они созданы субъектами модерна, которые в данном случае работают не на общее дело, а на свои личные интересы, по камушку разбирая общественное достояние. Общины эпохи традиции – социально конструктивные, они есть те кирпичики,

которые создают общество. Сети модерна социально деструктивны и паразитируют на обществе, разъедавая его изнутри. Что делать в данной ситуации?

Очевидно, что постмодерн нуждается в разрушении, так как порождает неконтролируемое насилие, уничтожает рациональный порядок модерна, не создавая взамен никакого естественного порядка, характерного для традиции. Но нельзя и просто вернуться к модерну, во-первых, потому, что субъект модерна уже разложился, во-вторых, из-за темной стороны, под воздействием которой модерн самосхлопывается. Предложение заключается в перезагрузке модерна на новой основе. Индустриальный и рациональный мир модерна, который обеспечивает развитие личное и технологическое, но в сочетании с традиционными институтами поддержки, позволяющими человеческой личности не оставаться один на один с мегамашинами модерна. Это именно я и хочу назвать русской идеей – модерн 2.0. Восстановить традицию уже невозможно, так как субъект модерна возник, отмене он не подлежит, он может переродиться в человека постмодерна, которого уже сложно назвать субъектом, но не может вернуться обратно к традиции. Попытки ее принудительно восстанавливать могут вылиться только в то, что мы называем постапокалипсис, остатки постмодерна на развалинах модерна. Конечно, эта идея является общечеловеческой, но она является и русской, потому что у России нет другого пути. Какие вообще варианты идентичности есть у России? Первое – это создание этнической нации, это архаика, возвращение в доиндустриальный период аграрных провинций европейских империй. Сейчас это ни на чем не держится, потому что в этнонациях нет экономического смысла, никому не нужен, например, юрист с образованием на эстонском языке. То, что мы видим сейчас в Восточной Европе, это не этнонация, это псевдоэтнонация и большие фольклорные заповедники. Призыв создать русскую этническую нацию – это призыв в никуда. Второй вариант – это гражданская нация – россияне, но не надо сравнивать себя с США, это искусственное государство, как и государства Латинской Америки. Во Франции создание гражданской нации заняло более ста лет, и примерно каждые десять лет происходила революция. У нас нет ста лет, нет возможности каждые десять лет переживать революцию, поэтому думаю, что на эту идентичность не стоит тратить время и силы. Ну и третий вариант – построение идентичности, которая одновременно будет и национальной и ненациональной. Ядром этой идентичности будет этническая идентичность русского народа, но не народа в себе, а народа для других,

второй круг – это идентичность российской цивилизации, всех, кто разделяет с русским народом общую историю и культурные коды. Третий круг этой идентичности не имеет границ, и в него не войдет только тот, кто сам не захочет.

Осталось сказать несколько слов о том, как практически создать модерн 2.0, с чего начать. На самом деле он уже создается прямо сейчас, через стремление людей свободно, а не под угрозой гибели, как это было в эпоху традиции, объединяться на общей идейной нравственной основе, в том числе и для противостояния антисоциальным сетям коррупции. В качестве локуса формирования общин единомышленников могут выступать храмы и вообще религиозные организации, это прекрасно, если их не превращать в ролевую игру и косплей и не допускать их перерождения в деструктивные сети, которые умеют очень хорошо мимикрировать под благородные институты традиции. Собственно говоря, я завершила, надеюсь, я не очень много времени отняла.